

RU

Этнокультурный компонент в современной поэзии Бурятии

Хандарова О. В., Дампилова Л. С.

Аннотация. Цель исследования - определить особенности процессов этнокультурной идентификации в поэзии Бурятии в диахроническом аспекте. В статье показано, как с течением времени проявляется тенденция преодоления синдрома постколониальной литературы в современной русскоязычной поэзии национального региона. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые последовательно выявлены особенности проявления этнокультурного компонента в поэзии Бурятии у представителей разных поэтических поколений: от естественности этнической оптики - через самоэкзотизацию либо, наоборот, дезактуализацию темы - до снятия дихотомии «этнический/общечеловеческий». В результате исследования выявлены значимые мотивы и образы этнокультурной идентичности в поэзии Бурятии.

EN

Ethnocultural Component in the Modern Buryat Poetry

Khandarova O. V., Dampilova L. S.

Abstract. The research aims to determine the features characterising processes of ethnocultural identification in the Buryat poetry in the diachronic perspective. The article shows how the tendency to overcome the syndrome of postcolonial literature manifests itself over time in the modern Russian-language poetry of the national region. The research is novel in that it is the first to consistently identify the features peculiar to manifestation of the ethnocultural component in the Buryat poetry among representatives of different poetic generations: from authenticity of ethnic perspective, through self-exotisation or, conversely, deactualisation of the topic, to removal of the “ethnic/universal” dichotomy. As a result of the research, the authors have identified relevant motifs and images of ethnocultural identity in the Buryat poetry.

Введение

В контексте современных геополитических реалий особую актуальность для гуманитарных наук представляет вопрос об этнической идентичности в развитии национального литературного процесса. В данной статье с учетом известной концепции, что этническая идентичность связана с культурными процессами, а национальная – с концепцией гражданина, рассматривается проблема этнической идентичности в художественном слове.

В целях рассмотрения темы функционирования этнокультурной идентификации в поэзии Бурятии были поставлены следующие задачи: определить значимость этнокультурного компонента в творчестве поэтов Бурятии разных поколений; выявить образы и мотивы темы этнокультурной идентичности в творчестве анализируемых поэтов; охарактеризовать вектор отношения поэтических поколений к вопросу этнокультурной идентификации.

В статье использованы сравнительно-исторический и сравнительно-сопоставительный методы исследования.

Теоретическую базу исследования составляют работы историка литературы и литературного критика И. Кукулина. Из всех существующих рассуждений о проблеме идентичности нам наиболее близка мысль о том, что в истории бурятской литературы, как и в истории других национальных литератур советского пространства, нашел отражение колониальный эффект становления гибридной идентичности, и следом – вытекающий из него постколониальный эффект – когда интеллектуалы из колоний говорят и мыслят в категориях языка колонии [6].

Практическая значимость работы заключается в применимости результатов исследования в процессе преподавания дисциплины «Литература народов России» студентам филологических направлений высших учебных заведений.

Советский и постсоветский период: этническое – национальное – интернациональное

В бурятской литературе, создаваемой сегодня в основном на русском языке, вопрос об идентичности расходитя от мажорного официального «чувства семьи единой», оставшегося от советского периода, до трагического апокалипсического чувства потери своей самобытности. Писатель, пишущий как на родном языке, так и на русском, не может не задаваться вопросом о своей ментальной идентичности, воспринимаемой как этическая и эстетическая основа творчества.

Считается, что на двух языках стихи писать почти невозможно: прозу можно писать на родном и русском языках – стихи же пишутся на том языке, на котором свободно думаешь. Уже не феноменом, а закономерностью современной культуры можно считать творчество поэтов, пишущих на русском языке, но владеющих родным бурятским языком. Когда Намжил Нимбуев в 60-е годы прошлого века начинал писать, бурятская литература на родном языке была в полном расцвете, еще был высококвалифицированный переводческий цех.

Намжил, великолепно владея родным языком, писал по-русски, но искал свой особенный почерк: «Я считаю: для нерусского поэта, пишущего на русском, самое важное: не подражать традиции русской литературы, а творчески манипулировать великим, всемогущим русским языком, ибо только в свободном стихе можно выразить свое национальное лицо, душу своего народа» (из архива семьи Нимбуевых). В русскоязычной поэзии Намжила Нимбуева отмечено его этническое особенное как естественное и родное прошлое, настоящее и даже будущее: «Шум овечьих отар, / Звон чугунных стремян. / Крик детей у задымленных юрт, / Звук матерчатых легких гутулов» [8, с. 20]. «Здесь старики сидят на солнцепеке, / Прошедшие перебирают дни» [Там же, с. 14]. «Этой ночью по тихим долинам / Кочевали куда-то на север / Тени предков моих» [Там же, с. 12]. На уровне «прапамяти» код родины сливается с генетическим ощущением связи с этническим истоком: «Полгода в седле мне качаться / До марев табунной отчизны. / Тоскую о ней и волнуясь, / Как будто ребенка / Оставил в доме без присмотра» [Там же, с. 24].

Это особенное в его поэзии органически сливается с бесчисленным количеством живущих в нем универсальных миров: «Комнатушка с балконом во двор. / В ней наш скромный семейный уют, / двух зарплат экономный баланс»; «Засохший рубец между ребер / от рога бодливой коровы, / как память / мальчишеских лет, / сегодня жене показал я»; «Погладил сынишку / и вздрогнул: / как будто увидел / себя самого я / в зеркале времени». И над этими непрожитыми картинками жизни (поэт прожил 23 года) лейтмотивом звучит грустная нота: «И тонконогого коня / в шумящей роще тростниковой / из рук своих на склоне дня / в зеркальной глади родниковой / не напою и не спою» [Там же, с. 90, 149, 151, 190]. Этнический мотив в поэзии Нимбуева звучит в едином русле с универсальными мотивами, нет экзотического подчеркивания своего особенного. Иркутский поэт С. Михеева размышляет о взаимодействии двух непохожих культур в творчестве поэта: «Чужая, хотя и географически близкая, культура, довлеющая и традиционно, по привычке носителя-колонизатора, избегающая синтеза, – это сложный сосед. Даже если вокруг декларирован полный интернационал – и особенно если декларирован» [7].

На наш взгляд, тем самым творчество Н. Нимбуева вполне иллюстрирует условную периодизацию постколониального осмысления в литературах национальных регионов, сформулированную И. Кукулиным: «...можно сказать, что в 1960-1980-е годы в некоторых литературах СССР сформировалось “постколониальное письмо-в-себе”, а в 1990-2000-е – “постколониальное письмо-для-себя”» [6].

С 1990-х годов ситуация такова, что авторы все чаще пишут по-русски, да и читатель все чаще владеет только русским языком, институт переводов национальных литератур остался в прошлом, так что оказывается, что бытование многих национальных литератур остается в поле русской литературной культуры. «Кризис национально-культурной идентичности в советскую эпоху трансформировался в кризис межкультурной коммуникации в эпоху постсоветскую, а диалог как культурная норма превратился в “спящую” категорию» [11, с. 230].

Выросло новое поколение поэтов на опыте русскоязычной литературы. Амарсана Улзытуев считает Намжила Нимбуева своим учителем: «Русскоязычие мое – твоим освящено, / В косноязычии моем крыльшкующем – нет-нет да прорежется голос твой – / “Атласный, гортанный, / словно гарцующая на цыпочках сабля...”» [15, с. 82]. Намжил и Амарсана родились в семьях известных бурятских поэтов Шираба Нимбуева и Дондока Улзытуева – классиков бурятской литературы. Намжил в совершенстве владел родным языком, но писал на русском языке, признавая его материнским языком: «Царство шумных проспектов / и улиц бурливых / русской речи меня научило, / она – / материнскую кровью во мне» [8, с. 134]. Признание это значит, что русский язык становится родным, хотя он подспудно чувствует в себе родную речь. Амарсана рано потерял отца, и родным для него действительно является русский язык, его тоска по родному языку звучит в нехарактерном для него лирическом, мелодично-светлом тоне: «Проснусь от радости, что говорю во сне. / На языке ворочается слово... / Оно трудилось в утренних лугах, / В туманах, бесконечных росах, / Оно паслось все время на кормах, / В лесостепях скалстых и раскосых» [14, с. 128].

Амарсана Улзытуев – известный российский поэт, его называют русским поэтом, русско-бурятским поэтом, признают и бурятским поэтом. Кажется, что он и сам себя ощущает вне всяких этнических, конфессиональных рамок: «мое христианнейшее мусульмано-даосско-буддийское сердце...». Может, такой универсализм восприятия себя в поэзии дает свободу для воспевания и утверждения своих идей.

В российской поэзии он выделяется тем, что его тексты в основном воспринимают в контексте его поэтических выступлений, называя его «видным представителем звуковой поэзии». Для «другого» слуха однозначно

экзотично чтение стихотворений как гимна в стиле горлового пения или до предела напряженного речитатива: «Поэт прежде всего – самурай, / Поэтому каждая песнь его – харакири» [13, с. 20]. Его выступления сравнивают с шаманским камланием, что опять же отсылает к традиции на ментальном уровне. И в этом случае гимны его приближаются к древним устным жанрам народных заговоров или шаманских призываний.

Если у Намжила была короткая жизнь, и он нашел свою индивидуальность в верлибре, то Амарсана искал себя в поэзии довольно долго, начинал, как все, экспериментировал именно в сторону экзотизации, писал в буддийском стиле мантры, остановился на гимнах вселенского масштаба (как единодушно определяют критики). Идея введения в русскую поэзию начального аллитерационного бурят-монгольского стихосложения «*толгой холбох*», названного анафорой, также является элементом саморекламы с эффектом экзотизации. Литературный критик, ведущий специалист по исследованию русского стихосложения Ю. Орлицкий утверждает, что «безусловно, термин “анафора” связан в современной поэзии именно с его стихами... <...> Как видим, новой формой русского стиха, основанной на бурятской традиции, Амарсана овладел в совершенстве» [9, с. 126-127]. По этому поводу Амарсана уточняет, что он впервые системно вводит новую форму: «...традиция же “анафоры” – не как стилистического, например, фигуративного приема, а как новой русской тонической рифмы – в информационном и литературном пространстве отсутствовала» [цит. по: 12].

Булат Аюшеев пишет по-русски, он – полная противоположность Амарсаны. Флегматично, отстраненно он следит за ходом событий и фиксирует сегодняшний момент жизни без комментариев, но с явной иронией: «– В следующее 9 мая / тоже портрет закажем. / – Сколько он стоит? / – 400. Один знакомый заказал вечный, железный. / – Для нас, пожалуй, много. / Отец не одобрил бы, чтобы его, как члена политбюро, / по улицам таскали» [1, с. 120]. В коротком диалоге – наше прошлое и настоящее, нет ни пространственной, ни этнической конкретики, кажется, любой русский поэт мог бы написать эти слова. Возможно, Б. Аюшеев передает национальное через двойную оптику: в реконструируемом лирическом герое взгляде персонажа – отца при желании можно уловить некоторую этническую окрашенность оценки происходящего: «так нельзя», «у бурят так не принято». Взгляд же самого лирического героя – всего лишь фиксация, уже без этих следов: в стихах Б. Аюшеева национальное подается через общечеловеческое.

Современная поэзия: этническое – общечеловеческое

В современной литературе Бурятии есть поколение молодых русскоязычных поэтов, и, что характерно, среди них особенно много поэтесс. В их числе заметно выделяются два имени – Елены Жамбаловой (1986 г. р.) и Баярмы Занаевой (1992 г. р.). Обе поэтессы неоднократно принимали участие в форумах молодых писателей в Липках, поэтических фестивалях, публиковались в журналах «Новая юность», «Знамя», «Байкал».

Елена Жамбалова родилась в Красноярске, окончила школу там же, университет – в Улан-Удэ, живет в Эрхирике (пригород Улан-Удэ). Будучи замужем за бурятом и сама частично бурятского происхождения, в своем творчестве неоднократно поднимает проблему этнокультурной идентичности, причем именно гибридных ее форм: «Я для других останусь тайною. Национальность, вера, форма – / запрядусь в роли социальные...» [3, с. 49].

Тема осмысления и осознания этнической идентичности в ее стихах может реализовываться в сюжете о земле обетованной, в образе легендарной Наян-Наваа – мифической прародины хори-бурят, в красноречивых мотивах ухода, прощания, сна, забвения: «Там мой бронзовый предок! я наших монгольских кровей! / Потому ли мне снится, как все мы куда-то брели, / на ладонях моих до сих пор этот запах земли. / Мы глаза покрасневшие прятали в рукава... / Мы прощались с тобою, великая Наян Наваа! / Наша Родина – там, где народ, мы идем сквозь века. / Умирая, рождаясь, на разных крича языках. / Слепо жаждая жить, забывая завет матерей...» [Там же, с. 48].

В приведенных строках также возникает мотив речи, слова – «на разных крича языках». Этот мотив вырастает в отдельное, фактически программное стихотворение, в котором Слово показано данным в качестве небесного дара, и при этом оно же является одновременно одним из возможных решений, ключей бытия в условиях дискретной, разрывающей тебя на части идентичности: «...ах, норв монголо-русский, / родимый и чужеродный, / и кровь твоя забунтует, / хмельная, дурная смесь / религий, мировоззрений, / скуластых и желтовласых, / открытых – хоть рви рубаху – / и сдержанных степняков. / И все это так пугает, / но все это так прекрасно / чертою, средоточеньем / границ, языков, веков. / Стоишь под открытым небом, / и небо тебя целует, / и небо тебя прощает, / и Слово кладет в уста» [2, с. 72].

Баярма Занаева родилась и окончила школу в Улан-Удэ, изучала китайский язык в Китае, училась в Бурятском государственном университете (БГУ) и ВСГУТУ на юриста и программиста, в магистратуре ВШЭ – по литературному направлению, живет в Москве и Улан-Удэ. В стихах Б. Занаевой мы видим яркий, харизматичный поколенческий образ литературного героя, вобравшего в себя историю всех стран и народов, искусство массовое и элитарное: «...у современного человека под кроватью хогвартс и древняя греция» (орфография автора сохранена) [4, с. 38]. Этот герой в основном – неясно, намеренно или неосознанно – деэтнизирован. Он, кроме того, подчеркнуто аполитичен, однако тем не менее довольно часто сферой его рефлексии становится соотношение судеб своего поколения и родной страны: «Потому все пучком, и наша скорая мировая, / если случится, / конечно, не будет битвой за Хогвартс, но все же / мы счастливыми кучками мяса пойдем воевать за какое-нибудь волшебство: / может, кто за Путина, родину, / а я за тишину в голове. / За сохранение тишины» [Там же, с. 40].

Герой словно пытается очертить нарочито простые и понятные границы личного пространства от вторгающихся в сознание неудобных метафизических вопросов: «Но ты в растянутой футболке у плиты / Стоишь и жарить шампиньоны на обед / И переходишь с дном сковороды / На “ты”, и в странном диалоге о судьбе / России в мире и тебя в России / Бессилен» [5].

Сегодня поэтов, пишущих на родном языке, знает очень маленькая аудитория любителей, и даже в масштабе республики почти нет обсуждений текстов на бурятском языке. Стараясь приспособиться к создавшимся условиям жизни, малочисленный народ, исчезающий в более мощной языковой среде, пытается не только адаптироваться, ассимилироваться, но и провозглашает декларативные прямые призывы к ментальной и языковой памяти. Д.-Д. Очиров, последний из могижан, пишущий на родном языке, вводит аксиологическое понятие об изначальных корнях этноса: *узуурлама удха, узуурлама модон, узуурлама үхэр*. Образные выражения, имеющие особую экзистенциальную функцию, выявляют основные составляющие этнического самосознания: исконные корни, исконное древо жизни и исконный образ жизни. У бурят издревле бытует миф, предсказание духовных учителей (*лундэн*) о трехэтапной перекочевке народа в пустынные места. В поэме «Бурятский скот» (*Буряад үхэр*) автор рисует эсхатологическую картину ухода почти в небытие для обретения и возвращения к истокам, что предполагает возвращение к такому же образу жизни, откуда начинался путь. Текст из неизданного сборника с переводом автора:

*ябагаар ябажа буряад шэрхи малайнгаа
ёдогор һүүлнүүдтэнь аһалдажа
яндаган дайдаар мүлхижэ ядалан
зоболон үзэжэ хүрэхэ юмбиди*

*эмээлнүүдэйн дүрөөнүүдын барилсажа
үндэһэн адуумнай тулюурнууды абарха бы
аяга эдээнэй алтанай сэнтэй болоходонь
узуур унгиимнай үхэр аршалха бы /*

схватившись за хвосты своих крепких скотин,
оставшие мигранты еле тащатся за ними
по безжизненной пустыне, голодные
страдальцы, когда они доползут до цели,

схватившись за стремя седла,
ослабевшие спасутся,
когда миска еды станет дороже пригоршни золота,
их спасет наш исконный скот
(из архива автора стихотворения Д.-Д. Э. Очирова).

Язык, на котором пишется текст, диктует стиль мышления автора. В стихотворении «Письмо» (*Бэшэ*), написанном в жанре буддийских посланий, герой задает неразрешимые вопросы Богу-Учителю: К чему могут идти ‘существа, забывшие пуповиной связанную с нами родную речь’ (*Хүйһөөрөө холбоотой эхэ хэлээ / танихаа болиһон амитадбди*). Для Очирова вопрос об этнической идентичности – вопрос без ответа, который ведет в тупик, констатация горькой истины: ‘Бедный бурят, / Будучи монголом, / Свои монгольские корни в воду бросил’ (*Баарһан буряад / Монгол угсаатан аад, / Монгол угаа / уһанда хаяаш*) [10, с. 23].

Заключение

Вопрос об этнической идентичности народа, теряющего свой язык как язык межкультурной коммуникации, становится важным для осознания динамики развития национального литературного процесса. В результате исследования мы пришли к следующим выводам: в бурятской литературе насчитываем как минимум три поколения русскоязычных поэтов, и почерк каждого из поколений значительно отличается как в плане содержания, так и остроты постановки вопросов этнической идентичности.

У Н. Нимбуева нет экзотизации, этническое в нем – это натуральное состояние, естественное восприятие истории, прошлого и настоящего своего народа. Стратегии представителей второго поэтического поколения разнятся: в случае А. Улзытуева есть ставка на эпатажную самоэкзотизацию; Б. Аюшеев предлагает подчеркнуто нейтральный, общечеловеческий взгляд; Б. Занаева и Е. Жамбалова формируют третье поколение поэтов, в творчестве которых принципиальность деления на свой/чужой отсутствует, дихотомия практически снимается – вопросы этнической идентичности никуда не исчезают, остаются по-прежнему важными, но при этом перестают определять систему координат в самоопределении лирического героя.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в выявлении этнокультурного компонента в прозе Бурятии и комплексной характеристике соотношения и взаимодействия национального/интернационального, национального/общечеловеческого в литературе Бурятии в контексте проблемы определения этнокультурной идентичности.

Финансирование | Funding

RU Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона», № 121031000259-6).

EN The reported research was carried out as part of the state assignment (project “Ethnocultural Identity in the Architectonics of Folklore and Literary Texts of the Peoples of the Baikal Region”, № 121031000259-6)

Источники | References

1. Аюшеев Б. Л. Всегда и везде // Байкал. 2019. № 2. С. 112-120.
2. Жамбалова Е. Земля // Байкал. 2015. № 2. С. 69-72.
3. Жамбалова Е. Камушки // Байкал. 2016. № 4. С. 47-51.
4. Занаева Б. Гортанобесие и кошунство // Байкал. 2014. № 5-6. С. 38-40.
5. Занаева Б. У лам иногда меняются показания [Электронный ресурс] // Знамя. 2017. № 10. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=6726> (дата обращения: 17.05.2021).
6. Кукулин И. «Внутренняя постколониализация»: формирование постколониального сознания в русской литературе 1970-2000 годов [Электронный ресурс] // Гефтер. 2014. 19 марта. URL: <http://gefeter.ru/archive/11708> (дата обращения: 17.05.2021).
7. Михеева С. Тайный жар узнавания. О «сибирской» литературе и поэтической дипломатии Намжила Нимбуева [Электронный ресурс] // Textura. 2018. 29 августа. URL: <http://textura.club/tajnyj-zhar-uznavaniya/> (дата обращения: 20.05.2021).
8. Нимбуев Н. Ш. Я песчинка огромной оранжевой Азии: стихи. Улан-Удэ: НоваПринт, 2018. 224 с.
9. Орлицкий Ю. Кто и зачем соединяет головы (русскоязычная бурятская анафорическая поэзия) // Арион. 2017. № 1 (93). С. 124-127.
10. Очиров Д.-Д. Э. Буряад-монгол угсаатамнай, сэргэ монгол утхамнай Шүлэгүүд ба поэмэнүүд. Улаан-Удэ: Изд-во ОАО «Респ. тип.», 2010. 276 х.
11. Султанов К. К. Ностальгия по камню, или Воля к идентичности // Художественный опыт Кайсына Кулиева в сохранении российской культурной идентичности: материалы Всерос. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения народного поэта Кабардино-Балкарии Кайсына Шуваевича Кулиева (1917-2017) (27-29 октября 2017 г.). Нальчик, 2017. С. 230-239.
12. Увицкий А. Ю. Большое кочевье. Амарсана Улзытуев [Электронный ресурс] // Вопросы литературы. 2020. № 2. URL: <https://voplit.ru/topic/life/> (дата обращения: 17.05.2021).
13. Улзытуев А. Д. Анафоры. М.: ОГИ, 2013. 76 с.
14. Улзытуев А. Д. Крылышка не зря: стихи // Новый мир. 2019. № 10 (1134). С. 125-128.
15. Улзытуев А. Д. Унга-зирунга // Новый мир. 2015. № 5 (1081). С. 80-82.

Информация об авторах | Author information

RU Хандарова Ольга Владимировна¹, к. филол. н.
Дампилова Людмила Санжибоевна², д. филол. н., доц.
^{1,2} Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ

EN Khandarova Olga Vladimirovna¹, PhD
Dampilova Lyudmila Sanzhiboevna², Dr
^{1,2} Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IMBTS SB RAS), Ulan-Ude

¹ olga.khandarova@gmail.com, ² dampilova_luda@rambler.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 17.05.2021; опубликовано (published): 30.07.2021.

Ключевые слова (keywords): литература Бурятии; этнокультурная идентичность; Н. Нимбуев; А. Улзытуев; Б. Аюшеев; Buryat literature; ethnocultural identity; N. Nimbuev; A. Ulzytuev; B. Ayusheev.